

УДК 111

DOI: 10.17223/1998863X/45/25

О.Е. Столярова

ИСТОРИЯ ОНТОЛОГИИ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. ОТВЕТ КРИТИКАМ

Автор отвечает критикам, акцентируя внимание на скептическом сценарии Патнэма, возможностях онтологической интуиции и проекте социальной эпистемологии. Проводится мысль о том, что без философской онтологии невозможно достичь понимания интеллектуальной и социальной истории, и в частности истории науки.

Ключевые слова: историческая онтология, реализм, скептицизм, интуиция, дуализмы, социальная эпистемология.

Я очень признательна моим уважаемым коллегам, выступившим моими оппонентами, за высказанную критику. Как показывают критические комментарии, вопрос об исторической онтологии – это прежде всего вопрос о реализме. Вердикт критиков в общем единодушен: историческая онтология как претензия на реализм необоснованна. И дело здесь даже не в том, что историческая онтология порождена нашим смутным временем (впрочем, какое же время не является смутным?) и, как множество (безосновных?) порождений философской фантазии, останется пустопорожней и будет смыта следующей исторической волной философской моды.

С точки зрения моих критиков, любые претензии философии на метафизический реализм неоправданны. И.Т. Касавин, по-видимому, считает, что единственное законное предприятие теоретической философии – это рефлексивный анализ понятий, каковые принадлежат сфере сознания и потому относятся к ведомству эпистемологии. Что же касается онтологии (метафизики) как учения о том, что не является результатом познавательной деятельности, но, напротив, оказывает на эту деятельность причинное воздействие, то Илья Теодорович характеризует такого рода учения в качестве иррационализма и мистики, превышающих границы рационального познания. А.Ю. Антоновский, соглашаясь с тем, что «онтологическое высказывание предполагает ту или иную перспективу наблюдения», отвергает «симметричный тезис о том, что наблюдательная перспектива и сама определяется реальностью». Александр Юрьевич обращает внимание на то, что само различие между реальностью (онтологией) и познанием (эпистемологией) есть следствие познания, а не его причина. Это различие порождено познавательной коммуникацией и всецело принадлежит эпистемологическим коллективам, которые полностью ответственны за то, что считать реальным, а что – нереальным, что – неизменным, а что – изменчивым. Т.Д. Соколова, хотя и не высказывается радикально против онтологии (метафизики), резервирует «следующий ход в этой игре за эпистемологами». А.Л. Никифоров оставляет место для веры в существование объективного мира и даже рационализировать эту веру, указывая на ее практическую оправданность. Вместе с тем Александр Леонидович говорит о биологической, методологической и

лингвистической перспективе наблюдателя, выход за пределы которой, с его точки зрения, блокируется скептическим аргументом. Согласно этому аргументу мы не можем установить соответствие или несоответствие между тем, что дано нам в нашем внутреннем опыте и определяется нашим устройством (что бы под этим устройством ни подразумевалось), и внешним миром. Александр Леонидович ссылается на известный аргумент Хилари Патнэма «мозг в сосуде» и спрашивает: как мы могли бы на него ответить?

Однако любая так называемая *перспектива* наблюдателя получает значение только *извне* этой перспективы, только если установлены ее границы относительно того, что ею не является, т.е. внешнего мира, иначе любое суждение о какой бы то ни было перспективе было бы бессмысленно. Аргумент Патнэма говорит именно о том, что если мы замкнуты в границах собственного опыта, то мы не можем судить об этих границах. Патнэм ведь утверждает, что если бы мозг в сосуде был действительно мозгом в сосуде, то он не мог бы вынести осмысленного суждения относительно того, что он мозг в сосуде, потому что его утверждение об этом не имело бы каузальной связи с реальной системой, которая состоит из мозга в сосуде и обеспечивающего его впечатления суперкомпьютера, и, следовательно, не имело бы никакого значения (никакой референции). Утверждение мозга в сосуде о том, что он мозг в сосуде, не относилось бы ни к чему. Аргумент Патнэма, однако, выполняет свою функцию (опровергает скептицизм) только при заранее постулируемой каузальной теории референции. Она же, в свою очередь, призвана опровергнуть метафизический реализм, утверждающий, что слова могут относиться к ненаблюдаемым сущностям вещей, и заменить его на так называемый *внутренний реализм*, который переводит соответствие слов и вещей в плоскость наблюдаемого в опыте причинного воздействия объектов на наши органы чувств и концептуального оформления этого воздействия. В своем опровержении скептицизма Патнэм занимает, скорее, кантовскую (в широком смысле критической философии) позицию. Ведь и Кант считал, что справился со скептицизмом, предложив взамен лишь более изощренный скептицизм, который заменил «внутренний опыт» традиционного скептицизма трансцендентальными условиями возможности опыта. Внутренний реализм Патнэма так же «опровергает скептицизм» за счет более изощренной скептической позиции, которая снимает вопрос о том, являемся ли мы мозгами в сосуде, как неправомерный.

Означает ли это, что скептическая или идеалистическая (противоположная реализму) позиция в принципе неопровержима? Она неопровержима ровно так же, как и наивный реализм, который говорит о том, что существует, не подвергая эти данные сомнению и анализу (только где существует сам этот дистиллированный наивный реализм, кроме как в воображении его критиков?). Она неопровержима в своем предельном выражении, в своей солипсической приверженности опыту непосредственно данного, который не желает знать ничего сверх этого (никакой каузальной теории референции, никакой истории, никакого *Другого*). Голое отрицание есть такая же тавтология, как и голое утверждение: все, что есть, есть, а чего нет, того нет. Именно здесь интуиция вступает в свои права. Интуиция отвечает и за солипсизм одинокого скептика, и за экстатическое слияние со сверхсущим просветленного мистика. Интуиция по сути своей неопровержима. И я отнюдь не предлагаю из-

влекать из нафталина старую добрую интуицию, пусть даже и дав ей определение *онтологической* интуиции с тем, чтобы, используя ее в качестве основного аргумента, отвоевать у эпистемологии занятые ею чужие территории. Спорить со скептицизмом посредством онтологической интуиции – это доказывать то, что заранее известно. В этом пункте я согласна с И.Т. Касавиным, что интуиции «показываются, но не объясняются, переживаются, но не познаются». Любая теоретическая проблема, и в этом он, конечно, прав, начинается с концептуализации интуиций (или каких-либо исходных данных), и историческая онтология не является исключением. Интуиции невозможно опровергнуть прежде всего потому, что их невозможно разделить с другими. Задача философии состоит в том, чтобы объяснять интуиции. Но из того очевидного факта, что, когда мы мыслим коллективно, мы мыслим в сообщаемых друг другу понятиях, отнюдь не следует *то, что* то, что мы мыслим, всецело зависит от наших коллективно усвоенных понятий.

Вообще, всякий раз, когда мы говорим о зависимости, а мы говорим о зависимости всякий раз, когда пытаемся понять и объяснить причинно-следственные связи событий и процессов, мы сталкиваемся с проблемой дуализмов, которая, мне думается, может быть разрешена только диалектически, т.е. без полного отождествления причины и следствия, но и без абсолютного разрыва между ними, разрыва, который сделал бы причины совершенно непознаваемыми наподобие кантовских вещей в себе. Философия, как и наука, ищет причины и формулирует теории, которые объясняют факты опыта, включая сформулированные в прошлом теории как факты традиции, т.е. опять-таки факты опыта. И если мы будем редуцировать теории к теориям, то ни о каких разумно постигаемых причинах движения мысли не может быть и речи, как не может быть и речи о философской онтологии. Но отсутствие философской онтологии бьет по эпистемологии как минимум в тех ее «неклассических» формах, которые доминируют в наше время. Отсутствие философской онтологии бьет, прежде всего, по социальной эпистемологии, если социальная эпистемология действительно желает понять причины изменения нашего знания о мире, а именно это вменял социальной теории познания Д. Блур¹. Отдать онтологию полностью на откуп науке также не является приемлемым решением для социальной эпистемологии, потому что, сделав это, она немедленно утратит свой предмет [2]. Тогда вопрос о том, что определяет наше знание, растворится в содержании той или иной научной теории и перестанет быть вопросом, формирующим специфическое исследовательское поле социальной эпистемологии, т.е. вопросом об условиях возможности той или иной научной теории, того или иного убеждения. Если же мы обратимся к докритической традиции, к традиции философской онтологии, когда *условия возможности и причины* совпадали, и восстановим ее в правах (за что ратуют сторонники так называемого «онтологического поворота»), мы сможем, во всяком случае, надеяться на приобретение теоретического инструментария для понимания и адекватной концептуализации развития знания и

¹ В своей знаменитой книге, ставшей программной для социологии знания и оказавшей большое влияние на социальную эпистемологию, Д. Блур пишет: «Человеческие идеи об устройстве мира меняются весьма существенно. Это происходит в науке так же, как и в других сферах культуры. Такое разнообразие является отправным пунктом для социологии знания и составляет ее главную проблему. Каковы *причины* (курсив мой. – О.С.) этого разнообразия, как и почему происходит это изменение?» [1. Р. 3].

динамики науки. Восстановив онтологическую перспективу, мы сможем увидеть изменения и разрывы, рост и «повороты» нашего знания о мире, т.е. увидеть то, что составляет нашу далеко не линейную интеллектуальную и социальную историю. Как заметил один из современных реалистов, «быть фаллибилизмом относительно знания – значит с необходимостью быть реалистом относительно вещей. И наоборот, быть скептиком относительно вещей – значит быть догматиком относительно знания» [3. Р. 33].

Механизмы *порождения*, а онтологическая перспектива всегда имеет дело именно с процессами и механизмами порождения, – это, по сути, механизмы и процессы истории, в которой человеческие социальные институты и институционализированные идеи и концепции всегда оказываются ответами на поставленные в прошлом проблемы, ответами, которые предлагаются, исходя из новых, материальных и социальных условий. Дуализмы являются движущей силой истории, в частности истории науки. И именно философская онтология, которая внимательна к истории, способна провести нас по узкой тропе между натурализмом и сциентизмом, с одной стороны, и априоризмом и идеализмом – с другой, избрав в качестве путеводной нити реализм относительно исторического времени.

Вот почему я думаю, что история онтологии продолжается, и историческая онтология напишет свои страницы в этой истории.

Литература

1. Bloor D. Knowledge and Social Imagery. Routledge, 1976. 156 p.
2. Ruser A. Towards the Unity of Science Again? Reductionist Thinking and Its Consequence For a Social Philosophy of Science // Epistemology & Philosophy of Science. 2016. Vol 49, № 3. P. 55–69.
3. Bhaskar R. A Realist Theory of Science. Routledge, 2008. 277 p.

Olga E. Stoliarova, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

E-mail: olgastoliarova@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 45. pp. 226–229.

DOI: 10.17223/1998863X/45/25

THE HISTORY OF ONTOLOGY CONTINUES. A RESPONSE TO CRITICS.

Keywords: historical ontology; realism; skepticism; intuition; dualisms; social epistemology.

The author replies to the critics, focusing on Putnam's skeptical scenario, the possibilities of ontological intuition and the project of social epistemology. It is suggested that without philosophical ontology, it is impossible to achieve an understanding of intellectual and social history and, in particular, the history of science.

References

1. Bloor, D. (1976) *Knowledge and Social Imagery*. Routledge.
2. Ruser, A. (2016) Towards the Unity of Science Again? Reductionist Thinking and Its Consequence for a Social Philosophy of Science. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 49(3). pp. 55–69. DOI: 10.5840/eps201649351
3. Bhaskar, R. (2008) *A Realist Theory of Science*. Routledge.